

1.1. К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ МЕТОДЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Еще в 1980-х годах отечественные энциклопедии писали о Дмитрие Сергеевиче исключительно как о литературоведе¹. Позже к этой характеристике добавилось словосочетание «общественный деятель».

Однако сегодня уже несомненна необходимость оценки вклада Д. С. Лихачева в историческую науку, его труды привлекают внимание философов, искусствоведов, педагогов и представителей других отраслей знания. Специалисты справедливо отмечают, что работы Лихачева «не могут быть выстроены в какую-либо иерархию — написанная им короткая рецензия может быть более важной, чем книга в несколько сотен страниц»². Полноценные исследования лихачевского наследия сдерживаются отсутствием полного собрания сочинений академика.

Тем не менее не вызывает сомнений, что **труды Дмитрия Сергеевича обогащают широкий спектр гуманитарных наук**. Анализ научного наследия ученого показывает, что по ходу занятий древнерусской литературой ему становится тесно в рамках классической филологии. Д. С. Лихачев постепенно предстает перед нами как ученый, свободно работающий практически во всех актуальных для его времени областях гуманитарного знания.

И все же статьи и книги академика о России и ее культуре, истории, нравственности, интеллигенции сколько-нибудь серьезному научному осмыслению не подвергались и до сих пор относятся коллегами Лихачева по филологическому цеху к «публицистике». Якобы его профессией было исключительно литературоведение, а работы о культуре — неким «хобби», которое, дескать, не следует особенно принимать всерьез. Профессиональная цеховая ограниченность нередко идет в науке рука об руку с неплохими исследованиями частных, локальных явлений. Вместе с тем Россия не случайно не знает имен этих узких специалистов, а Лихачева чтит так, как в иные времена почитали только святых.

Как ни странно, но даже такие фундаментальные труды, как «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Культура как целостная среда», «Петровские реформы и развитие русской культуры» или лекция «Петербург в истории русской культуры»³, прочитанная Дмитрием Сергеевичем в нашем Университете в 1993 году, не получили своевременной оценки. Более того, в 1995–1996 годах под руководством Д. С. Лихачева была разработана «Декларация прав культуры»⁴ — документ исключительного, мирового значения, а некоторые исследователи его наследия до последнего времени утверждали, что в завершающие десятилетия жизненного пути академик не создал ничего значительного. По сути, это взгляд ученых, которые в своей «башне из слоновой кости» проспали зарождение, развитие и становление целой отрасли научного знания — культурологии.

До недавнего времени научный мир представлял себе академика Лихачева в лучшем случае своего рода воплощением **универсального, собирательного, «синтетического» знания, неким междисциплинарным ученым-гуманитарием**. Действительно, особенностью его научного стиля было умение гармонично сочетать литературоведческий, исторический, искусствоведческий, философский и другие подходы и методы исследований, но **энциклопедизм знаний и академический универсализм**

¹ См., например: Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 718.

² *Milner-Gulland R. Dmitrii Sergeevich Likhachev (1906–1999) // Slavonica. Sheffield, 1999/2000. Vol. 6. № 1. P. 142–143.* Здесь и далее цит. по переводу статьи, размещенному на сайте Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева (<http://likhachev.lfond.spb.ru/Memoirs/robin.htm>).

³ См.: *Лихачев Д. С. Петербург в истории русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. СПб., 2006. С. 261–275.*

⁴ *Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.*

позволили **Дмитрию Сергеевичу Лихачеву** оказаться на гребне смежных научных исследований в гуманитарной сфере, приведших в конце XX века к формированию новой отрасли знания — культурологии.

Ретроспективный анализ публикаций Д. С. Лихачева позволяет полагать, что культурологическая природа научных взглядов ученого высвечивается наиболее отчетливо ко второй половине его жизни, становясь очевидной в 1980–1990-е годы. «Меня занимает, прежде всего, проблема пространства культурного», — пишет он⁵. Кстати, в это время в его работах появляется и слово «культурология». Можно сказать, что на протяжении всей своей научной биографии Лихачев шел к культурологии. В то же время и культурология, постепенно вызревая из недр гуманитарного знания, как бы «шла» к Лихачеву.

Говоря о Лихачеве-культурологе, следует особо подчеркнуть, что **противопоставлять филологические и культурологические исследования Д. С. Лихачева было бы неправильно. Литературоведческая и культурологическая рефлексии в научном мышлении не противостоят друг другу, а являются параллельными, взаимно дополняющими и взаимно полезными познавательными процессами.**

Аксиоматичная цитата: «поэт в России больше, чем поэт», — приобретает неожиданное смысловое распространение при попытке определить общее впечатление от научного наследия Д. С. Лихачева. Оказывается, что литературовед в России — больше чем литературовед.

По мнению одного из крупнейших отечественных медиевистов В. П. Адриановой-Перетц, уже в начале 1950-х годов Д. С. Лихачев выделялся среди современных ему ученых-литературоведов широким научным кругозором, исследовавшим культуру в ее динамике. Имелось в виду, что Лихачев не только рассматривал литературу в ее культурно-историческом контексте, но и изучал культуру как таковую⁶.

Насколько «культурологический финал» был органичен для творческого пути Д. С. Лихачева-литературоведа и одного из продолжателей традиции изучения наследия Древней Руси? Содержится ли в движении ученого «от литературоведения к культурологии» лишь простая озабоченность сохранностью культурных ценностей в кризисную эпоху или нам следует видеть здесь нечто большее?

Существует не разделяемое мною, но весьма интересное и парадоксальное предположение профессора Ю. В. Зобнина, что движения Лихачева от литературоведения к культурологии вообще не было, что в его деятельности культурология — это особая форма литературоведения, а литературоведческий анализ осуществлялся им как способ постижения Человека в его личных и общественных проявлениях, в его взаимодействии с природой, миром и т. д. Исходной точкой в этом глобальном исследовании является литературный текст. И он же становится у Лихачева итогом исследования, аккумулируя суть поставленной им проблематики.

Так или иначе, но можно предположить, что Д. С. Лихачев не отверг бы в качестве эпитафии ко всей своей научной деятельности первые слова, когда-либо написанные на славянских языках — «Искони бѣ слово». Правда, такой эпитаграф не отразил бы всю специфику деятельности Лихачева-ученого.

Дмитрия Сергеевича в последнее время готовы признать своим представителем едва ли не **все области гуманитарного знания**. Возможно, в этой ситуации содержится отмеченное академиком отражение «универсальности» русской литературы: «По мысли Гейне (“Флорентийские ночи”, гл. I), в Италии “музыка стала нацией”, — писал Лихачев и

⁵ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 348.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности / В. П. Адрианова-Перетц, М. А. Салмина // Дмитрий Сергеевич Лихачев. 3-е изд. М., 1989. С. 37. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 17).

уточнял: — Я бы сказал, искусства стали нацией. В России же (и это мое утверждение. — Д. Л.) нацией стала литература»⁷.

Но вспомним, что одним из «моментов самоопределения» современного литературоведения стала статья Б. М. Эйхенбаума со знаменательным названием «Как сделана «Шинель» Гоголя» (1918)⁸. С этого момента стараниями знаменитой ленинградской филологической группы ОПОЯЗ, считавшей эйхенбаумовскую статью своим манифестом, главным и **единственным средоточием собственно литературоведческой научной мысли стал текст художественного произведения**. Все остальные аспекты литературоведения должны были отныне выявлять свои задачи и методы, сообразуясь с их участием в анализе художественного текста. Так были впервые научно обоснованы границы литературоведения как науки.

Но именно когда эти границы были научно обоснованы, вдруг стало ясно, что **многие великие русские литературные критики — прежде всего Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, в эти границы не укладываются**. Дело в том, что их интересовало не только (если использовать заглавие-формулу Эйхенбаума), *как* сделана «Шинель», но и то, *почему* «Шинель» сделана именно так. Попытка ответить на второй вопрос заставляла их сопоставлять ту же «Шинель» с другими явлениями культурной жизни России, видеть в литературном художественном тексте не «самоцель» своих размышлений, а лишь явление культуры в ряду других, далеко не ограниченных сферой литературы вообще. В XIX веке, не знавшем современной классификации гуманитарных наук, это методологическое противоречие воплотилось в спор сторонников «чистого искусства» и сторонников «искусства для жизни». Все мы имеем представление об этом споре благодаря вошедшему в школьные хрестоматии отрывку из «Железной дороги» Некрасова (1864):

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немного дика.
Или для Вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Нужно заметить, что **сторонников «искусства для искусства», «чистого искусства» сейчас называют искусствоведами и литературоведами**, и для них Аполлон Бельведерский действительно является абсолютно самодостаточной величиной и самоценным предметом для размышлений. А **сторонников «искусства для жизни» сейчас называют культурологами**, и вот для них-то интерес к Аполлону Бельведерскому отнюдь не отменяет интерес к печному горшку, ибо и то и другое являются разными сферами выражения одной и той же культуры. Более того, культурологи не брезгают печными горшками, ибо знают, что в определенные периоды своего развития некоторые этносы делали восхитительные печные горшки и стилистика подобного делания (*лат. cultura* — обрабатывание, возделывание) как раз и позволяет в высшем своем развитии создать Аполлона Бельведерского.

Но один и тот же ученый может — в зависимости от своих интересов и задач — **менять методологии** в разных исследовательских работах. А может и не менять. Таким образом, может быть ученый-литературовед и ученый-культуролог, а может быть — подобно Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву — **и литературовед и культуролог в одном лице**. В этом случае какая-то часть наследия ученого, выполненная в одном методологическом ключе, принадлежит литературоведению, а другая часть этого наследия, использующая иную методологию, — культурологии. И никому сейчас не приходит мысль заниматься «вивисекцией», отделяя и противопоставляя взгляды,

⁷ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 170.

⁸ Эйхенбаум Б. О. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О. О прозе. Л.: Худож. лит., 1969. С. 306–326.

например, Чернышевского-культуролога и Чернышевского-литературоведа. Одно дополняет другое.

Подобное можно сказать и о Лихачеве. Из того, что многие его коллеги занимались только литературоведением, вовсе не следует, что сам Лихачев не мог заниматься и литературоведением (в одних своих работах), и культурологией (в других), или и тем и другим вместе (в третьих трудах). Ничего невероятного (и тем более — ничего обидного ни для Лихачева, ни для его коллег — «чистых» литературоведов) в этом нет. Естественно, что попытки дезавуировать Лихачева-культуролога есть попытки опровергнуть очевидное.

Надо отметить, что Лихачев в своей литературоведческо-культурологической «двуипостаси» был далеко не одинок среди современников. Можно назвать сразу несколько соответствующих имен первой величины. Упомяну хотя бы Юрия Михайловича Лотмана, сочетавшего в себе литературоведа и культуролога, может быть, с еще большей, чем Лихачев, диалектической остротой. И действительно, если разработанную Лотманом литературоведческую методiku структурализма (гениальную) применить в качестве оценочного критерия к его же «Беседам о русской культуре»⁹ (не менее гениальным), то что-то одно в наследии Лотмана-ученого придется «вывести за рамки» в качестве «хобби».

Между тем мнение, что все, написанное Лихачевым не непосредственно о литературе, якобы относится к жанру «публицистических размышлений» ученого, исповедуют и некоторые незаурядные специалисты. В качестве примера сложности ситуации можно привести точку зрения Р. Милнер-Гулланда¹⁰, высказанную в Шеффилдском журнале *Slavonica*¹¹. Данная работа, невзирая на скромный объем, настолько интересна, что заслуживает обстоятельного обсуждения.

Робин Милнер-Гулланд — исследователь и знаток славянского средневековья, вспоминая о Лихачеве, говорит о нем прежде всего как об ученом. Более того, именно стиль и метод научного мышления академика и становятся в статье зарубежного слависта главным материалом, демонстрирующим специфику его облика в целом. Думается, такой подход в принципе является весьма плодотворным для осмысления лихачевского наследия. Дело в том, что в силу многогранности и насыщенности интеллектуальной жизни Дмитрия Сергеевича именно целостность «итогового портрета» для многих исследователей оказывается недоступной, подменяясь нередко эпизодами, фрагментами, а то и — анекдотами. Особой беды тут, кстати, нет — и даже в анекдотах (этом своеобразном историческом шлейфе всех выдающихся людей), однако статья Р. Милнер-Гулланда напоминает нам о главном: **во всех своих личных и общественных проявлениях Д. С. Лихачев оставался прежде всего ученым.** К этому тезису хочется полностью присоединиться. Более того, при всей, казалось бы, очевидной простоте данный тезис имеет большую смысловую глубину, позволяющую скорректировать многие версии, подчас достаточно далеко отстоящие от собственно научной проблематики.

Итак, именно стиль лихачевского научного мышления является главным объектом изучения для британского профессора, причем характеристика данного объекта изначально интригует читателя своей парадоксальностью — особенно на фоне традиционного «мемуарного» вступления с очень милым элегическим «кроком», рисующим Лихачева в домашней обстановке, беседующим с зарубежным гостем о Филонове, Хармсе, оберютах («Этот несомненно великий человек был полон ощущения радости жизни — именно таким я запомнил его»¹²). Естественно, что читатель, настроившись на дальнейшие мемуарные подробности того же рода («Его труды не

⁹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.

¹⁰ Робин Милнер-Гулланд — профессор русских и восточноевропейских исследований университета Sussex (Школа европейских исследований), автор ряда статей и книг по русской культуре.

¹¹ *Milner-Gulland R.* Op. cit. P. 141–150.

¹² *Ibid.* P. 142.

только многочисленны, но и весьма разнообразны...»¹³; «широта научного кругозора ученого удивит любого, кто привык считать его только историком древнерусской литературы»¹⁴ и т. д.), вдруг испытывает нечто вроде холодного душа, читая через абзац такое определение «специфики разнообразия творчества» Лихачева: «В своем подходе к науке Д. С. Лихачев не является типичным исследователем “исторических проблем”, то есть тем сортом ученых, которые путем кропотливого анализа доходят до сути определенного явления и затем переходят к следующему. Некоторые интеллектуально привередливые читатели были удивлены и скептически настроены к этому свойству его научного метода. Они не понимают, что его задачи и методология имеют характер, принципиально отличающийся от того, что они привыкли считать интеллектуально респектабельным»¹⁵.

И сразу после этого блистательного по своей неожиданности выпада Милнер-Гулланд собственно и переходит к тому, что действительно интересует его больше всего в Лихачеве, чему и посвящена большая часть статьи, ради чего она написана — к лихачевской трактовке культурных влияний вообще («теория природы и типологии культурного влияния является одним из его наиболее заметных вкладов в теорию истории культуры в целом»¹⁶), и в частности — «позднего» византийско-болгарского влияния, еще конкретнее — к «его важнейшему научному достижению — выявлению периода с принципиально динамическим характером, для которого он выработал тонкое и ставшее сейчас классическим определение — Восточное Предвозрождение»¹⁷.

Какая великая честь для ученого — попасть в ранг «интеллектуально нереспектабельных», и как мало — несправедливо мало — такой чести удостоиваются! Речь идет вот о чем. Естественно, что «интеллектуально-респектабельные», в понимании Р. Милнер-Гулланда, литературоведческие штудии — то есть «путь кропотливого (литературоведческого. — А. З.) анализа, доводящего до сути определенного явления», был Дмитрию Сергеевичу не чужд. Любой, как пишет Р. Милнер-Гулланд, «механистический подход к связям между общей историей, политической историей и историей искусств был поставлен под сомнение, благодаря способности Лихачева глубоко ценить специфические ценности и эстетические достижения даже не самого выдающегося периода истории. Его исследования, в частности, эстетических функций и значения крайне абстрактного и сложного литературного стиля периода Предвозрождения (периода, который предшествующие специалисты, начиная с В. Ключевского, оценивали как время культурного упадка) привели к революции в нашей оценке литературных достижений позднего средневековья»¹⁸.

Автор статьи проявляет в приведенном пассаже чуда научной толерантности, однако нельзя не ощутить замечательную эмоциональную насыщенность текста, нельзя не почувствовать, что Милнер-Гулланд одновременно и восхищается Лихачевым, но и (очевидно, в качестве носителя «интеллектуально-респектабельного» стиля мышления) в какой-то мере ужасается, ибо **Дмитрий Сергеевич сознательно и бескомпромиссно нарушает в этих работах традиционно принятые в кругах академического литературоведения «правила игры», уходя из собственно литературоведческой сферы в сферу культурологическую.** Автор статьи цитирует Д. С. Лихачева: «Приходится сожалеть, что у нас слишком мало литературоведов-энциклопедистов, литературоведов, выходящих за пределы своих излюбленных тем»¹⁹, и констатирует: «Интерес Лихачева к динамике культуры привел его к переоценке всей системы

---

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 143.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 147.

¹⁷ Ibid. P. 148.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 149.

недостаточно изученных моментов переходных периодов и тех точек, где разные культурные явления входят в контакт и создают новые модели цивилизации»²⁰. В итоге нельзя не согласиться с его справедливой оценкой миссии Дмитрия Сергеевича: «он является наиболее убедительным адвокатом богатства тысячелетнего культурного опыта России из всех известных нашему поколению»²¹. И добавить: убедительность эта имеет в своей основе не публицистический, а строго научный характер.

Относительно констатации «публицистичности» работ Лихачева следует отметить, что это — лишь **стилистика особенность языка, характера научного мышления** академика. Вызвана данная особенность прежде всего тем, что он стремился быть максимально точным и понятным в изложении своих мыслей широкой аудитории. Дмитрий Сергеевич избегал нарочитой усложненности, псевдоучености академических текстов, их «затоваренности» наукообразной лексикой, тайными аллюзиями «птичьего языка», считая, что «демонстрация эрудиции в научной работе — пошлость и безвкусица»²², если она не обусловлена логикой научного доказательства.

В науках социально-гуманитарного профиля **и область, и специализация, и компетенция научного знания определяются не столько материалом анализа, сколько спецификой метода исследования**, методологией понимания и интерпретации тех или иных социально-культурных феноменов. Например, один и тот же художественный текст может быть объектом литературоведения, лингвистики, психологии, истории и т. д.

Метод — это определенным образом полученное и упорядоченное знание о человеке и мире; структурированная на основе методологии совокупность способов воссоздания изучаемого предмета; система мировоззренческих принципов и рационалистических приемов понимания и конструирования истины. В частности, позитивистски ориентированные методы добывания знания в естественных науках основаны на рационалистических принципах познания (индукция, дедукция, анализ и синтез, аналогия, сравнение, доказательство и т. д.); они исповедуют логико-дискурсивное мышление, основанное на причинно-следственных связях.

Методы гуманитарных наук имеют более выраженную мировоззренческую, антропологическую направленность, они выдвигают на первый план экзистенциальные проблемы бытия. В свою очередь в каждой группе гуманитарных наук существуют сложившиеся традиции познания истины, образующие специфику метода.

В частности, культурология специфику своего метода обеспечивает конструктивным характером исследования, которое не должно ограничиваться накоплением фактов и их интерпретацией, она реализует его посредством воплощения противоположных бытующему в точных науках алгоритма и логики познания: не от эмпирических фактов или частных проявлений культуры к теоретическим конструкциям, а **через концептуальный анализ научного и художественного текста** (как ведущих форм бытия и самосознания культуры) — **к воссозданию феномена культуры в его онтологической полноте и целостности**.

Анализируя научное наследие Д. С. Лихачева, можно обнаружить особенности его культурологического метода, которые в совокупности следует рассматривать как существенный вклад в становление методологии культурологического знания. Они позволяют культурологии уточнить собственную сферу научной компетенции, найти в ряду «культурно-заинтересованных» наук свой объект и предмет исследования, скорректировать категориальный и исследовательский аппарат, позволивший получать специфически «культурологический» эмпирический материал. **Особенности культурологического метода Д. С. Лихачева можно обозначить несколькими смысловыми линиями, а именно: понимание культуры как целостности; онтологизм**

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. P. 150.

²² Лихачев Д. С. Без доказательств / РАН, Ин-т рус. лит. СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. С. 112.

и проектный характер историко-культурного знания; синтетичность, комплексность и универсализм познания культуры; нравственная отягощенность культурологического дискурса; гуманистичность.

Останавливаться более подробно на этих особенностях научного метода Д. С. Лихачева представляется уместным в контексте исторического процесса становления культурологической парадигмы.